

Л. В. Ляхович

Белорусский государственный университет
культуры и искусств, Минск

L. V. Liakhovich

Belarusian State University of Culture and Arts, Minsk

УДК 321.61(4):303.446.4

ЕВРОПЕЙСКИЙ АБСОЛЮТИЗМ В РОССИЙСКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ И СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: ЦЕННОСТНЫЕ УСТАНОВКИ ИССЛЕДОВАНИЙ

EUROPEAN ABSOLUTISM IN THE RUSSIAN PRE-REVOLUTIONARY AND SOVIET HISTORIOGRAPHY: VALUE ORIENTATIONS OF THE RESEARCH

Статья посвящена ценностному аспекту в изучении проблемы европейского абсолютизма российскими дореволюционными и советскими историками. Показаны причины и факторы, обусловившие изменение отношения к названной проблеме, проанализировано изменение проблемного поля европейского абсолютизма.

Ключевые слова: историография; новистика; медиевистика; абсолютизм; абсолютная монархия; дискурс; методология; трансформация; преемственность.

The article is devoted to the study of the valuable aspects of the problem of European absolutism by the prerevolutionary Russian and Soviet historians. The reasons and factors that led to a change in attitude to these problems are shown, besides the changes in the problem field of European absolutism are analyzed.

Keywords: historiography; novistiks; medieval studies; absolutism; absolute monarchy; discourse; methodology; transformation; continuity.

В статье раскрывается проблема западноевропейского абсолютизма в ценностном ракурсе. Цель ее – показать, как формировалось, почему и в какой мере изменялось отношение к абсолютизму как историческому явлению в среде российских историков дореволюционного и советского периодов. На макроуровне такой подход демонстрирует ценностные трансформации в окружающем исследователя социуме, а на микроуровне – изменения в методологии и предметном поле проблемы. Однако такой весьма продуктивный ракурс применительно к проблеме европейского абсолютизма отчетливо выражен лишь в единичных работах. Это «Королевское самодержавие во Франции: история одного мифа» А. В. Чудинова [1] и «Наука “убеждать”, или Споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе: 20-е – начало 50-х гг. XX века» С. В. Кондратьева и Т. Н. Кондратьевой [2]. Данная статья не только дополняет названные исследования, но и позволяет сделать качественно новые выводы.

Термин «абсолютизм» в политической литературе возник еще в XVIII в. [3, с. 9–10]. Однако историки для характеристики монархий

прошлого стали применять его позже. В российской историографии понятие «абсолютизм» появляется у медиевиста С. В. Ешевского (1829–1865) в лекционном курсе 1858–1859 гг. при описании ранней империи в Риме, когда истомленное гибелью республики Римское государство признало власть Августа как условие мира и спокойствия [4, с. 125–126]. «Абсолютизм, – пишет С. В. Ешевский, – является иногда исторической необходимостью, шагом вперед в государственном развитии народов... Как переходное состояние, как возможность иного, лучшего будущего, абсолютизм имеет свое историческое оправдание, даже проявляясь в суровых, жестких формах...» [4, с. 126]. Однако будучи спасительным на период кризисов, постепенно абсолютизм «дорастает до своего политического совершеннолетия... когда в Риме и в провинциях начались сатурналии деспотизма...» [4, с. 126, 130]. «Поставленный сам себе целью, абсолютизм губительно действует на все живое, смертельным недугом поражает организм общества» [4, с. 126]

Интерпретация абсолютизма С. В. Ешевским демонстрирует применение диалектического метода и очевидное влияние немецкой классической философии. При этом доминирующей ценностью выступает свобода – республиканское правление, развитие общественной мысли и т. д. Это вполне объяснимо, учитывая популярность либерализма в Европе, а в России – наступление либерально-реформаторской эпохи Александра II. Трактовка абсолютизма по С. В. Ешевскому, впоследствии перенесенная и на монархии Нового времени, станет канонической. Абсолютизм, синонимом которого выступала абсолютная монархия, признавался закономерной формой государственного управления. На определенном этапе он был необходим (в первую очередь для достижения централизации и гражданского мира), а затем превращался в подавляющую общество силу, что приводило к буржуазным революциям, и абсолютизм сходил с исторической арены.

В последней трети XIX в., в условиях пореформенной России, сформировалась основанная на позитивистской методологии и либеральных идеях «русская историческая школа» всеобщей истории. Так, виднейший ее представитель в области Новой истории Н. И. Кареев (1850–1931) относит абсолютизм к такой модели государства, где общество исключено из управления, власть концентрируется в одном лице, а проводниками ее являются чиновники и бюрократия. Кареев включает западноевропейский абсолютизм в число неограниченных монархий, среди которых – монархии Древнего Египта, эллинистического мира, Рима и Византии [5, с. 2–8]. Это абсолютное, бюрократическое, полицейское государство с системой всепроникающей опеки, недоверием к общественной самодеятельности, взглядом на религию как на орудие власти, преклонением перед идеей государственности в ущерб правам и интересам граждан, охраной сословных привилегий и т. д. [5, с. 5–6]. Абсолютизм мог быть реакционным, особенно в период контрреформации («вероисповедный» и придворный абсолютизм

XVI–XVII вв.), или прогрессивным («просвещенный абсолютизм» XVIII в.) [6, с. 55].

В 1789 г. с Великой французской революции, как считает Н. И. Кареев, начинается период крушения абсолютизма в Западной Европе. Тогда же появился термин «старый порядок», характеризующий учреждения и отношения, которые господствовали в дореволюционной Франции, им аналогичные и продолжавшие еще существовать в других странах. Крушение «старого порядка» в России Кареев относит к 1905 г. [5, с. 1, 4–5]. В российской же новистике утвердилось параллельное употребление терминов «абсолютизм» и «старый порядок».

Новый импульс актуальности тема европейского абсолютизма приобрела во время русской революции 1905–1907 гг. Впечатляющим примером этому служит работа Е. В. Тарле (1874–1955) «Падение абсолютизма в Западной Европе». Изданная в 1906 г., она «предъявляет счет» абсолютной монархии. Абсолютизм, распространяемый автором на Древний Восток, Персию, эллинистические государства, Рим и Византию [7, с. 11–14], был вреден для общества «с того самого момента, как становился бесполезен» [7, с. 53], что проявлялось в репрессиях, внешней агрессии и т. д. Для абсолютизма реформирование есть отказ от его неограниченной природы, т. е. «самоубийство», поэтому свержение абсолютизма происходит революционным путем [7, с. 33–34, 40]. Российский абсолютизм – сильнейший, он дожил до эпохи колоссальных армий и финансовых возможностей, но ни один класс не будет его поддерживать, так как для страны, вступившей на путь капитализма, абсолютизм опаснее революции [7, с. 128–130].

Февральская и Октябрьская революции 1917 г., установление советской власти и утверждение марксистской методологии сделали оценки абсолютизма еще более жесткими. Утверждение классового подхода и революционных ценностей в обществе, идеологическая борьба внутри и вовне, придание марксизму мессианской роли привели к выраженному конфронтационному дискурсу советской историографии. Нужно отметить при этом, что в негативизации абсолютизма советская историография выступила преемницей дореволюционной – преклонение перед Французской революцией как либералов, так и большевиков обусловило близость их оценок [1, с. 265–271].

Советские историки придерживались мнения, что абсолютная монархия – это государство, эксплуатирующее массы народа при помощи централизованного аппарата управления и классового насилия. Это предыстория Английской и Французской буржуазных революций, рядом с которыми вписывались в европейский контекст и три российские революции.

Вот, например, каким образом в 1920-х гг. трактуется возникновение абсолютных монархий: «Когда на смену прежним формам феодально-крепостнической эксплуатации появляются новые способы угнетения... понадобился более централизованный и мощный аппарат насилия, таковыми

и были новые государства... Охваченные жаждой к наживе, новые общественные силы использовали государственную власть, заставляя ее быть своим орудием в деле ограбления масс... Все эти особенности нового торгового капиталистического государства ... делают его скорее близким по типу и задачам к современному буржуазному государству ... с той только разницей, что там буржуазия еще принуждена была делить власть с другим классом, а здесь она уже вполне приспособила государство исключительно к своим интересам» [8, с. 74–77].

В 1930-х гг. вместо схематичности и негативизма по отношению к историческому прошлому, характерных для «школы Покровского», советскому государству нужны были другие установки для воспитания гражданина-патриота. 16 мая 1934 г. было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР», а 9 августа того же года составлены «Замечания о конспекте учебника новой истории» И. В. Сталина, С. М. Кирова и А. А. Жданова. Замечания указывали на центральную проблему советской новистики – победу Французской революции и утверждение капитализма в Европе и Америке [9, с. 16]. Напечатанная 27 января 1936 г. в «Правде» передовая статья четко прописывала систему ценностей советской исторической науки: «Новая история должна быть историей победы капитализма и начала его гибели... Народные массы СССР должны знать доподлинную историю человечества, историю порабощения и освобождения трудящихся, должны знать, откуда и куда мы идем... Они должны получить конкретную картину борьбы классов с характеристикой их вождей, с конкретной характеристикой классовых отношений в этой борьбе, ибо только таким образом история научит их тому, что является задачей ее как науки о политике, т. е. борьбе за власть и ее сохранение» [10, с. 22, 24].

Среди ряда замечаний в области новой истории было предписано заменить выражение «старый порядок» на «докапиталистический порядок» или на «абсолютистско-феодальный порядок» [9, с. 19]. Последнее вскоре превратилось в более экспрессивный «феодально-абсолютистский строй».

Так, изданная в 1936 г. лекция профессора А. И. Молока (1898–1977) называется «Феодально-абсолютистский порядок во Франции накануне буржуазной революции конца XVIII века». Абсолютизм, феодальная реакция, угнетенное и обираемое крестьянство, ущемляемые промышленность и торговля [11, с. 6–9] в сочетании с потерей международного авторитета страны, финансовым кризисом, тратами двора и бездарностью короля [11, с. 11–13] делали революцию просто необходимой. Академик С. Д. Сказкин (1890–1973), в соответствии с концепцией «равновесия», характеризует абсолютную монархию как арбитра между старым господствующим классом феодалов и буржуазией и как защитницу обоих классов от революционного движения народных масс, подвергающихся и феодальной, и капиталистической эксплуатации [12, с. 239].

Когда же, по мнению советских историков, абсолютизм был целесообразен? А. Д. Люблинская (1902–1980) считала, что до конца XVII в. абсолютизм развивался по восходящей линии, после чего прогрессивные черты абсолютизма оказались исчерпанными, и он вступил в стадию упадка [13, с. 73], защищая «уже прогнивший феодальный строй» [13, с. 114]. Эта точка зрения была общепринятой у советских историков, и рубежом потенциала абсолютизма было правление Людовика XIV. Нужно отметить, что и дореволюционные историки, в частности Н. И. Кареев, считали правление «короля-Солнца» той границей, перейдя которую французский абсолютизм превратился в обузу для общества, между тем как при Ришелье и Кольбере «работа французской монархии» была продуктивной, «органичной» [14, с. 554–555, 562].

Сдержанное и в целом негативное отношение к абсолютизму советской историографии обусловило и отсутствие биографий монархов и представителей правящей элиты, которые характеризовались обычно несколькими строчками. Из западноевропейских деятелей этой эпохи исключением был кардинал Ришелье. Так, А. Д. Люблинская отмечает, что его правление – важная страница в развитии французского абсолютизма, обращает внимание на опыт и честолюбие кардинала, делает акцент на «Политическом завещании» [13, с. 105–106]. Несмотря на уважение к Ришелье, Люблинская оценивает его целиком в категориях советского дискурса: «Свою внутреннюю и внешнюю политику Ришелье строил на жестоком угнетении и эксплуатации народных масс...» [13, с. 107]. С. Д. Сказкин характеризует личность кардинала как монументальную [15, с. 224], говорит о его политической дальновидности, честолюбии, суровой воле, владении интригой и т. д. [15, с. 228–229].

Начатая в середине 1980-х гг. политика перестройки привела к пересмотру и смягчению многих идеологических канонов. Появившаяся в 1985 г. статья «Абсолютизм в странах Западной Европы и России (опыт сравнительного изучения)» демонстрирует достаточно толерантное отношение к западной историографии, отсутствие отвлеченных схем, признание того факта, что абсолютизм монарх не был полностью независим в своих действиях [16, с. 44].

Постепенно исчезал обличительный тон по отношению к абсолютизму. Показательным было обсуждение проблем, связанных с 200-летием Французской революции, и одним из его итогов было возвращение в научный оборот термина «старый порядок», о чем говорит название одного из научных сборников – «От старого порядка к революции» [17]. Не случайно Л. А. Пименова, говоря о многоукладности экономики и сложности общества предреволюционной Франции, предлагает вместо «феодално-абсолютистского строя» пользоваться термином «старый порядок» [18, с. 94–95]. На некорректность применения понятия «феодално-абсолютистский строй» и необходимость создания адекватной картины предреволюционной Франции указывал также А. В. Чудинов [19, с. 70–71].

Новые смысловые акценты сочетались с формированием соответствующего проблемного поля. Так, крупнейший историограф-медиевист

Е. В. Гутнова (1914–1992) обратила внимание на необходимость изучения аппарата управления, социальной политики, государства и культуры, государства и церкви, личностного фактора и т. д. [20, с. 252–260].

Концептуальные новации рубежа 1980–1990-х гг. содержались в работах Н. Е. Копосова. Так, он формулирует идею границ власти короля и утверждает, что французский абсолютизм даже в пору своего наивысшего расцвета предстает не слишком «абсолютным» [21, с. 160]. В статье «Абсолютная монархия во Франции» Копосов, по сути, разрушил тезис о неограниченной власти монарха при абсолютизме, указывая на ряд ее институциональных и доктринальных ограничений [19, с. 42–44]. Характеристика абсолютизма как феодального государства, по мнению Копосова, является упрощенной, это общество переходного типа. Абсолютизм же был этапом почти тысячелетнего роста государства, который в качестве гипотезы уместно связать с усложнением общественной жизни, совершенствованием управления экономикой, формированием нового типа личности [22, с. 55]. «Абсолютная монархия во Франции» вызвала как отклик заметку Ю. Е. Ивонина «Нужно ли возобновлять дискуссию об абсолютизме?» [23]. Автор корректно полемизирует с Н. Е. Копосовым, приглашая к конструктивному диалогу, однако высказанное предложение не было реализовано.

Симптомом наступивших перемен стало появление работ, посвященных государственным деятелям эпохи абсолютизма. В 1990 г. вышла написанная живым языком, с большим вниманием к внутреннему миру главного героя и в то же время далекая от его идеализации политическая биография кардинала Ришелье, созданная П. П. Черкасовым [24].

Завершало советскую эпоху в историографии вышедшее в 1991 г. исследование, сочетавшее традиционные и новые подходы. Это «Ж.-Б. Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество» В. Н. Малова, представителя старшего поколения историков. С одной стороны, в работе на основе марксистской методологии изложена концепция французского абсолютизма. С другой – написание биографии Ж.-Б. Кольбера, «великого французского государственного деятеля» [25, с. 3], было практически невозможно до перестройки, ведь уделять внимание представителям эксплуататорских классов, а тем более писать их биографии было недостойно советского историка. Позднее сам В. Н. Малов отмечал: «Самая главная и самая сложная работа – безусловно, книга о Кольбере. Для меня это было как штурм Измаила, о котором Суворов сказал, что решиться на такое дело можно только раз в жизни. Тема масштабная, широкоохватная и такая замусоренная стереотипами, легендами... Хорошо, что я писал книгу уже в годы перестройки. Мне было очень трудно решиться взять эту тему, некоторое время казалось, что тут ничего нельзя сделать...» [26, с. 56].

Наконец, разрыв с устоявшимися ранее трактовками показывает характеристика королевской власти, данная Е. М. Кожокиным: «Королевская власть, эманацией которой... являлось государство, в сознании людей

покоилось на трех основах: религиозной, феодальной и римско-правовой ... в самой ее природе было много мистического, ускользающего от современного рационального осмысления. Мистика присутствовала в самом официальном титуле государя – “король Франции”, под словом “Франция” подразумевалась не политическая или географическая реальность, а некая духовная сверхреальность...» [27, с. 4]. Это не только принципиально новый дискурс, но и противоположное советской историографической традиции видение проблемы государства и монархической власти. Отныне европейский абсолютизм переставал быть неким закономерным «неизбежным злом» и фоном для буржуазных революций. Он приобретал статус самостоятельной научной проблемы, тем более что разрушение СССР и приход на смену революционным ценностям в истории традиционалистских установок несоизмеримо расширили проблемное поле абсолютной монархии.

Итак, интерпретируемый российскими дореволюционными, а затем советскими историками европейский абсолютизм в условиях методологического перелома последних советских лет превратился из признаваемого по необходимости и терпимого явления в самоценный объект изучения. Кардинальное же расхождение советской и постсоветской исторических трактовок может быть в значительной мере объяснено соответствующими глубокими ценностными изменениями в обществе.

Список использованных источников

1. Чудинов, А. В. «Королевское самодержавие» во Франции: история одного мифа / А. В. Чудинов // Французский ежегодник 2005: Абсолютизм во Франции. К 100-летию Б. Ф. Поршнева (1905–1972). – М.: КомКнига, 2005. – С. 259–293.
2. Кондратьев, С. В. Наука «убеждать», или Споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе: 20-е – начало 50-х гг. XX века / С. В. Кондратьев, Т. Н. Кондратьева. – Тюмень: Мандр и К^о, 2003. – 272 с.
3. Омельченко, О. А. Монархия просвещенного абсолютизма в России (Политическая доктрина – Правовая политика – Государственные реформы): автореф. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / О. А. Омельченко; Моск. гос. индустриал. ун-т. – М., 2002. – 42 с.
4. Ешевский, С. В. Сочинения / С. В. Ешевский. – М.: Тип. Грачева и К^о; 1870. – Ч. 1. – 576 с.
5. Кареев, Н. И. Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII веков: общая характеристика бюрократического государства и сословного общества «старого порядка» / Н. И. Кареев. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1908. – 452 с.
6. Кареев, Н. И. Философия культурной и социальной истории нового времени (1300–1800): введение в историю XIX века (основные понятия, главнейшие обобщения и наиболее существенные итоги истории XVI–XVIII вв.) / Н. И. Кареев. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1893. – 176 с.
7. Тарле, Е. В. Падение абсолютизма в Западной Европе: исторические очерки / Е. В. Тарле – М.: Едиториал УРСС, 2010. – 144 с.
8. Преображенский, В. Д. Происхождение современных государств Европы. От феодализма к сословной монархии / В. Д. Преображенский. – М.–Л.: Молодая гвардия, 1927. – 78 с.

9. Сталин, И. Замечания о конспекте учебника новой истории / И. Сталин, С. Киров, А. Жданов // На фронте исторической науки. В Совнарком Союз ССР и ЦК ВКП(б). – М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1936. – С. 16–20.
10. Преподавание истории в нашей школе // На фронте исторической науки. В Совнарком Союз ССР и ЦК ВКП(б). – М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1936. – С. 21–28.
11. Молок, А. И. Феодально-абсолютистский порядок во Франции накануне буржуазной революции конца XVIII века / А. И. Молок // Стенограмма лекции, прочитанной 17 апреля 1936 г. – Л.: Изд. школы пропагандистов при Ленинградском областном и городском комитетах ВКП(б), 1936. – 22 с.
12. Зарождение капиталистических отношений в Западной Европе / С. Д. Сказкин // Краткая всемирная история: в 2 кн. / под ред. проф. А. З. Манфреда. – М., 1966. – Кн. 1, гл. 8. – С. 231–244.
13. Люблинская, А. Д. Очерки истории Франции / А. Д. Люблинская, Д. П. Прицкер, М. Н. Кузьмин. – Л.: Учпедгиз, 1957. – 370 с.
14. Кареев, Н. И. История Западной Европы в новое время: развитие культурных и социальных отношений: в 3 т. / Н. И. Кареев. – 5-е изд. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича. – 1913–1915. – Т. 2: История XVI и XVII веков. – 1915. – 640 с.
15. Сказкин, С. Д. Из истории социально-политической и духовной жизни Западной Европы в средние века / С. Д. Сказкин. – М.: Наука, 1981. – 293 с.
16. Шмидт, С. О. Абсолютизм в странах Западной Европы и в России (опыт сравнительного изучения) / С. О. Шмидт, Е. В. Гутнова, Т. М. Исламов // Новая и новейшая история. – 1985. – № 3. – С. 42–58.
17. От Старого порядка к революции: к 200-летию Великой Французской революции: межвуз. сб. / под ред. проф. В. Г. Ревуненкова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. – 175 с.
18. Пименова, Л. А. О некоторых спорных вопросах истории старого порядка и революции / Л. А. Пименова // Актуальные проблемы изучения истории Великой Французской революции: материалы «круглого стола» 19–20 сент. 1988 г. – М.: ИВИ РАН, 1989. – С. 93–98.
19. Чудинов, А. В. Назревшие проблемы изучения истории Великой Французской революции (по материалам обсуждения в Институте всеобщей истории АН СССР) / А. В. Чудинов // Новая и новейшая история. – 1989. – № 2. – С. 65–74.
20. Гутнова, Е. В. Государство в структуре и эволюции феодального общества / Е. В. Гутнова // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. – М.: Наука, 1989. – Вып. 2. – С. 247–260.
21. Копосов, Н. Е. Провинциальные интенданты во Франции Старого порядка (аналитический обзор) / Н. Е. Копосов // К 200-летию Французской революции (зарубежная историография): реферат. сб. – М.: ИНИОН, 1988. – 160 с.
22. Копосов, Н. Е. Абсолютная монархия во Франции / Н. Е. Копосов // Вопросы истории. – 1989. – № 1. – С. 42–57.
23. Ивогин, Ю. Е. Нужно ли возобновлять дискуссию об абсолютизме? / Ю. Е. Ивогин // Вопросы истории. – 1989. – № 12. – С. 176–178.
24. Черкасов, П. П. Кардинал Ришелье / П. П. Черкасов. – М.: Междунар. отношения, 1990. – 384 с.
25. Малов, В. Н. Ж.-Б. Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество / В. Н. Малов. – М.: Наука, 1991. – 240 с.
26. Интервью с Владимиром Николаевичем Маловым // Средние века. – М.: Наука, 2008. – Вып. 69(2). – С. 55–58.
27. Кожокин, Е. М. Государство и народ. От Фронды до Великой Французской революции / Е. М. Кожокин; отв. ред. П. П. Черкасов. – М.: Наука, 1989. – 176 с.

(Дата подачи: 19.02.2015 г.)